

Controversial issues of defining the subject of legal technology

N. A. Kharlamova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-100-107

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the discussion regarding the subject of legal technology: can it be a lawyer or not only a lawyer? The author studies which criteria can be used as the basis for the classification of subjects of legal technology and comes to the conclusion that they can be considered in a narrow sense as a «subject-creating» and in a broad sense as a «subject-using», where the first defines rules, methods, techniques and algorithms, and the second uses them.

In addition, a controversial issue is raised about the possibility of artificial intelligence being the subject of legal technology. The author concludes that artificial intelligence has already become a subject of legal technology in a broad sense, which has a positive effect, but humanity should not allow artificial intelligence to become a subject of legal technology in a narrow sense.

Keywords: legal technique; legislative technique; subject of legal technique; artificial intelligence

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kharlamova, Nataliia A. | E-mail: bachigina95@mail.ru
| Postgraduate

Дискуссионные вопросы определения субъекта юридической техники

Н. А. Харламова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-100-107
УДК 343.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируется дискуссия относительно субъекта юридической техники: может ли им быть юрист или не только юрист? Автор изучает, какие критерии могут быть положены в основу классификации субъектов юридической техники и приходит к выводу, что критерии могут быть рассмотрены в узком смысле как «субъект-создающий» и в широком – как «субъект-использующий», где первый определяет правила, способы, приемы и алгоритмы, а второй ими пользуется.

Кроме того, поднимается дискуссионный вопрос о возможности искусственного интеллекта быть субъектом юридической техники. Автор приходит к выводу: искусственный интеллект уже стал субъектом юридической техники в широком смысле, что имеет положительный эффект, однако человечество не должно допустить становление искусственного интеллекта субъектом юридической техники в узком смысле.

Ключевые слова: юридическая техника; законодательная техника; субъект юридической техники; искусственный интеллект

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Харламова, Наталия Алексеевна | E-mail: bachigina95@mail.ru
Аспирант

«Юридический закон – изменчивое творение рук человека» [1, с. 2], – меткое замечание классика прошлого столетия П. И. Люблинского, который наверняка не мог и предположить, что когда-либо технологии настолько прочно войдут в жизнь человека, что актуальным станет вопрос: только ли плодом человеческой мысли и действия может быть создание и реализация права либо искусственный интеллект настолько совершенен, что его абсолютная объективность совместно с неограниченной памятью дадут более совершенный результат?

На сегодняшний день искусственный интеллект стал одной из злободневных тем во всем мире. Большую популярность набирают вопросы о его значении и возможностях: является ли он великим достижением цивили-

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

лизации либо его возможности столь безграничны, что плавно, но результативно он становится конкурентом естественного разума, имеющим все шансы на выход (выйти) из-под его контроля? Такая важная тема не могла обойти стороной и юриспруденцию. И если вопросы о сущности искусственного интеллекта исследуются достаточно давно, то тема о возможности искусственного интеллекта быть субъектом юридической техники требует разработки.

Дискуссия о субъекте юридической техники во многом связана с разными подходами к ее соотношению с техникой законодательной. До 2000 г. в отечественной догматике преобладал подход, их отождествляющий. Практически все видные ученые разрабатывали вопросы, связанные только с законодательной техникой, и лишь О. А. Красавчиков и С. С. Алексеев начали делать революционные по своей новизне шаги в расширении объема изучаемого понятия. Переломным моментом, как указывает М. Л. Давыдова, стало опубликование на заре миллениума сборника статей «Проблемы юридической техники», после чего узкий подход к пониманию юридической техники остался одной из страниц истории [2, с. 46]. Конечно, единичных сторонников этого подхода можно встретить в научных публикациях и сегодня, однако означенные позиции подвергаются жесткой критике. Действительно, само слово «юридический» является более объемным, включающим, помимо законодательных, множество иных вопросов права.

Имеющуюся полисемию мнений относительно субъекта юридической техники упорядочил В. М. Баранов. Он предложил два подхода: первый – публично-правовой «властный», согласно которому субъектом юридической техники являются только органы власти, второй – частно-правовой «невластный», где субъектом может быть любой, кто так или иначе прикоснулся к созданию правового материала [3, с. 41–43]. Данная точка зрения активно разрабатывалась А. Ф. Черданцевым, О. А. Красавчиковым, С. С. Алексеевым. Важно учитывать, что вторая позиция является не антагонистом первого подхода, она лишь расширяет его [4, с. 277]. При анализе второго подхода М. В. Баранов поднимает вопрос: юрист или не только юрист является субъектом использования и применения юридической техники? Спор этот уходит корнями далеко в прошлое. Например, Р. Иеринг в своей работе «Юридическая техника», которая в общем-то и положила начало разработке данного учения, четко разграничивал и даже превозносил деятельность юриста, указывая, что «тщетны были попытки засыпать пропасть, разделяющую юриста от не-юриста» [5, с. 6], подчеркивая у первого особую способность восприятия, воспитываемую многолетней практикой. Однако, анализируя подход Р. Иеринга, необходимо учитывать, что, хотя его работа и была посвящена юридической технике, в ней рассматривалась только одна ее разновидность – законодательная. Тот же факт следует иметь в виду при анализе «властного» подхода, так как его сторонники рассматривали только одну разновидность юридической техники – законодательную.

Сам В. М. Баранов считает, что, несмотря на то что обывателем может быть интуитивно составлен правильный юридический документ, это не делает его субъектом юридической техники, так как перед ней стоят более гло-

бальные задачи: она отвечает за реализацию стратегической цели, установленной правовой политикой государства. Соответственно, субъектом юридической техники может быть только профессиональный юрист, имеющий фундаментальные юридические знания, специальную подготовку, которые обеспечивают «формирование профессионального правового мышления, усвоение системы юридических ценностей и аксиом, понимание принципов действия различных правовых механизмов» [3, с. 45].

Оригинальная теория принадлежит В. Н. Карташову: он различает субъектов и участников юридической технологии. Безусловно, мы сразу оговоримся, что юридическая техника является лишь одним из компонентов более объемной категории «технология».

Субъект, по его мнению, основной, ведущий носитель правовых отношений, без которого немислимо существование любой технологии. Это физическое или должностное лицо, обладающее необходимой компетенцией. В качестве примера он приводит Конституционный Суд в Конституционном судопроизводстве. Участниками же являются отдельные лица, их коллективы и организации, которые содействуют субъектам в выполнении юридических действий и вынесении решений, например стороны, представители, свидетели, эксперты, переводчики в конституционном судопроизводстве [6, с.17]. Таким образом, ученый также пришел к выводу, что субъектом юридической технологии, а соответственно, и юридической техники как более узкого понятия может быть только компетентное лицо.

Анализ имеющихся точек зрения показывает, что абсолютное большинство исследователей склоняются к тому, что субъектом юридической техники может быть только профессиональный юрист. С одной стороны, действительно, бесспорным является тот факт, что профессионал, на протяжении многих лет углубляющий свои познания в любой из отраслей, может овладеть юридической техникой на уровне, недостижимом для не-профессионала. Вместе с тем, на наш взгляд, решение дискуссионного вопроса кроется в том, рассматривается ли субъект юридической техники в широком смысле слова как «субъект-использующий» или в узком как «субъект-создающий».

Полагаем, что в широком смысле слова субъектом юридической техники является носитель и пользователь инструментария юридической техники. И здесь деление субъектов по критерию наличия юридического образования вызывает целый ряд вопросов, дискуссия по которым может быть бесконечной и в некотором роде бессмысленной. Может ли быть субъектом (в смысле носителем и пользователем) применения юридической техники студент последнего курса юридического факультета, являющийся помощником адвоката, активно участвующий в судебных заседаниях, оказывающий консультационные услуги, составляющий юридические документы? Если провести черту только по наличию юридического образования, то получается, что субъектом юридической техники можно считать выпускника юридического факультета, пусть даже и отработавшего определенный период времени юристом, но давно не практиковавшего, не отслеживающего

изменения в законодательстве, судебную практику. В то время как не будет являться субъектом юридической техники человек, пусть и не получивший диплома о высшем юридическом образовании, но ежедневно практикующий, например осуществляющий юридическое сопровождение сделок с недвижимостью. Список этих вопросов можно продолжать еще очень долго, и они возрастают прямо пропорционально повышению качества дистанционного образования.

Сторонники иного подхода могут возразить, что лицо, получившее юридическое образование, имеет представление обо всем праве в целом, а не об отдельных его отраслях. Но есть два контраргумента. Во-первых, глядя реальности в глаза, необходимо признать, что качество юридического образования во многих, даже высших, учебных заведениях оставляет желать лучшего. И сегодня сложно найти, например, специализирующегося на семейно-правовых вопросах юриста, готового вступить в дискуссию по сложным вопросам уголовного права. Во-вторых, в настоящее время отсутствует монополия адвокатов на оказание услуг правового характера, а также требование о наличии высшего юридического образования, за исключением представления интересов доверителя в судебных процессах (и то не всех).

Кроме того, для объективности диспута обратимся к толковому словарю для определения значения слова профессионал, под которым понимается следующее: тот, кто сделал какое-л. занятие, деятельность своей профессией, хороший специалист¹. Человек, сделавший какое-н. занятие своей постоянной профессией². То есть под профессионалом понимается лицо, получающее оплату за свои услуги. А как указано ранее, монополии адвокатов на оказание правовой помощи нет, соответственно, любое лицо может стать профессионалом в сфере юриспруденции, исходя из трактовки толковых словарей. Остается неясным, почему тогда сегодня идет разделение на людей, являющихся и не являющихся субъектами юридической техники в широком смысле слова по критерию наличия юридического образования, если по сути не-юрист, занимающийся много лет оказанием услуг правового характера, также в совершенстве может овладеть всеми инструментами юридической техники, как и юрист, точно так же специализирующийся на одной отрасли права и имеющий закономерные пробелы в знаниях, связанные с отсутствием практики в иных отраслях права. (

Резюмируем: субъектом юридической техники в широком смысле слова, то есть пользователем и носителем ее инструментов, может являться любое лицо, обладающее достаточными для этого навыками, полученными в результате опыта и/или обучения, и/или практики.

Если же рассматривать субъекта юридической техники в узком смысле слова, не в качестве использующего, а в качестве создающего, то, естественно, требования к его квалификации совершенно иные, ведь в его руках создание

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma354012.htm?cmd=0&istext=1>

² Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова, 1935–1940. Т. 3. М., 1939 г. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/16/us3a3503.htm?cmd=0&istext=1>

инструментов для достижения безукоризненно функционирующей системы права. Подчеркнем, что в данном случае субъект входит в круг непосредственных создателей инструментов юридической техники, он вырабатывает средства, приемы и алгоритмы для каждого из этапов юридической деятельности: законотворчества, применения и интерпретации права. Данную деятельность можно сравнить с искусством, а его субъектом является лишь настоящий творец, демиург, мастер. Очевидно, презюмируется наличие высшего юридического образования, знание истории развития правовых институтов, судебной практики, доктрины, наличие достижений в области науки и т. п. Кроме того, он должен соответствовать высоким стандартам морали и нравственности.

Образно говоря, субъект юридической техники в узком смысле слова задает правила игры, а субъект юридической техники в широком смысле слова по ним играет, используя свой опыт и навыки.

В свете изложенного предлагаем вступить в еще более острую дискуссию: субъект юридической техники – человек или не только человек? Согласимся, что вопрос звучит несколько пугающе. Однако человечество подошло к той точке, когда невозможно игнорировать развитие искусственного интеллекта до столь высокого уровня, что вряд ли можно найти хоть какую-то отрасль науки и человеческого бытия, которую не затронули бы эти изменения. Актуальность темы подтверждает и прошедшее в 2018 г. первое в мировой истории состязание между естественным и искусственным интеллектом в рамках смоделированного судебного процесса. Он был выигран человеком, однако искусственный интеллект продемонстрировал возможность юридического мышления. Победитель противоборства, Р. С. Бевзенко, высоко оценивший работу искусственного интеллекта, в своем интервью сказал, что «единственное, что не смогут делать роботы – это придумывать что-то новое, что не основано непосредственно на предшествующем знании»³, однако настораживает то, что на сегодняшний день искусственный интеллект не просто воспроизводит те команды и действия, которые были загружены человеком, он создает собственные алгоритмы, уже позволившие обойти лучших представителей человечества в игре в шахматы, го, сеги, покер [7, с. 163–164].

Поле для дискуссии открывает и официальное определение искусственного интеллекта, данное в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»⁴, пункт 5 которого гласит: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопостави-

³ Роман Бевзенко: Как я победил судебного робота-юриста и почему это будет длиться недолго. URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/roman-bevzenko-how-i-beat-trial-of-robot-lawyer-and-why-it-will-not-last-long/>

⁴ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

мые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их».

Вдуматься только: превосходящие их! Да, мы вынуждены признать, что у искусственного интеллекта есть неоспоримые преимущества: он объективен, объемы его памяти безграничны, результаты его работы не подвластны усталости, стрессу, личным предпочтениям, за кратчайший промежуток времени он способен проанализировать немыслимый для человека объем информации. Казалось бы, вот то, что необходимо, – программа, не отягощенная пережитым опытом, религиозными взглядами, психологическими установками и эмоциональными переживаниями, способная воплотить огромное количество задач, каждый день объем которых увеличивается. Но так ли все очевидно?

Сам термин «искусственный интеллект» был предложен в 1956 г. в Стэнфордском университете, а наука оформилась в самостоятельную отрасль лишь в середине века, она поставила перед собой задачу моделирования функций мозга. Однако сегодня ученые, имеющие в своем арсенале мощнейшую технику, приходят к выводу, что природа сознания непостижима, ибо оно «определяется не просто работой мозга (хотя без этой работы оно невозможно), а отношением познающего и действующего агента к внешнему миру, включающему как мир природного окружения, так и в случае человека мир, созданный самим человеком — мир культуры» [7, с. 15]. Не подчиняется правилам и решение творческих задач – все попытки разработать «логику творчества» оказались безуспешными. Кроме того, искусственному интеллекту недоступны такие качества, как эмпатия, сострадание, сопереживание, стремление к справедливости, потому что отсутствует алгоритм их исполнения. А если мы говорим о творце, субъекте юридической техники в узком смысле слова, можно ли упустить из виду, что все эти свойства доступны только человеческой природе? Это абсолютно недопустимо, поскольку, как мы указывали ранее, в его руках важнейшая задача – достижение безукоризненно функционирующей системы права.

Да, искусственный интеллект – хороший помощник, и мы вынуждены признать, что субъектом юридической техники в широком смысле он уже стал. С помощью специальных алгоритмов могут быть составлены проекты иска, жалобы, судебного акта. Существуют специальные боты, например, бот-юрист «Гражданин», составленный по технологии NLP, отвечающий на правовые вопросы граждан и помогающий им составить юридические документы [8, с. 13]. В июле 2024 г. в Аргентине в структуре министерства безопасности создано подразделение искусственного интеллекта по обеспечению безопасности, в задачи которого входит в том числе предсказание еще не совершенных преступлений. Такой опыт уже известен США, Израилю, Нидерландам и др. странам. Таким образом, искусственный интеллект без труда играет по заданным правилам, но можно ли позволить ему эти правила создавать? Ведь уже сегодня искусственный интеллект с легкостью может действовать не только в рамках заданных параметров, но и конструировать их.

Мы полагаем, что, несмотря на заманчивость этой идеи, человечество должно прийти к однозначному категоричному отрицательному ответу. В тот день, когда искусственный интеллект получит власть в виде создания обязательных алгоритмов, методов и способов, принятия обязательных решений, обязательных правовых актов и т. д., наступит точка невозврата, потому что нельзя допускать конкуренцию искусственного и естественного разума.

Несмотря на то что искусственный интеллект направлен на моделирование деятельности человеческого разума, эта задача является недостижимой. «Даже самые мощные нейрокомпьютеры несравнимы по своей сложности даже с нервной системой муравья, – куда уж там до человека!» [9, с.114]. Ученые не в силах достоверно установить, что происходит в сознании человека, когда он испытывает стыд, чувство сожаления, муки совести и прочее. Соответственно, это нельзя воспроизвести в качестве способности искусственного интеллекта. Таким образом, моральная ответственность ему незнакома, а механизм привлечения к юридической ответственности отсутствует. И вряд ли он может быть разработан в совершенном виде. Предоставить же искусственному интеллекту возможность создания каких бы то ни было обязательных правил, алгоритмов, методов и т. д. без возможности привлечения его к ответственности недопустимо.

Резюмируя изложенное, мы приходим к выводу, что быть субъектом юридической техники в узком смысле слова искусственный интеллект не может. Точнее, этого нельзя допустить. Иначе управление человеком и контроль за ним будет во власти хоть и мощного, но все же искусственного интеллекта, у которого отсутствуют принципы и чувства, а в какой-то момент может измениться и цель служить во благо человечеству.

Ссылки

1. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса: пособие к практическим занятиям по уголовному праву. Петроград, 1917. 268 с.
2. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.
3. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2021. 648 с.
4. Кожокарь И. П. О научном содержании понятия «юридическая техника» // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27, № 2. С. 273–287.
5. Иеринг Р. Юридическая техника. О существе юридического формализма / пер. А. В. Полякова. М., 2014. 163 с.
6. Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 16–24.
7. Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. акад. РАН В. А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. 328 с.
8. Кривенков А. Д., Казанкова Т. Н. Актуальные возможности применения искусственного интеллекта в юриспруденции // Вопросы экономики и права. 2024. № 187. С. 11–20. DOI 10.14451/2.187.11.
9. Боровская Е. В., Давыдова Н. А. Основы искусственного интеллекта: учебное пособие. 4 -е изд. М.: Лаборатория знаний, 2020. 130 с.